

И ВДРУГ Я ПОДУМАЛ...

Культура. - 1993 - Янв. - С. 7

О том, что свято место — пусто

...Конечно, это можно назвать «рождественскими каникулами». Романтично и возвышенно. Как открытка: снег падает, окошко разноцветно светится, дым из трубы. Но жизнь наша — не открытка.

Вот позади и Новый год, и Рождество. На остановках и в очередях граждане в основном молчат. Или кроют телевидение, сетуют о даром потраченных днях и сообщают друг другу новые цены. Газеты не приносят. Елки осыпаются. Дни вынужденного безделья уже надоели, и рождественскими каникулами их никто не называет.

На Новый год нас опять не поздравляли. Правда, накануне выступал президент. Но это — накануне. И потому как бы не в счет.

И вот что важно. Открытки эти, домики под звездным небом, рогатый месяц, елочные свечки в окошке хороши тогда, когда они естественны, когда они повторяются из года в год. А не выглядят чем-то чуждым, частью заимствованным, частью надуманным.

Что бы ни говорили теперь о минувших годах, каким бы «совковым» ни именовали телевидение недавнего прошлого, была в ежегодном праздничном ритуале своя магия. Документальная короткометражка про стройки века, урожай, мирные договоры, съезды и прочее. Потом поздравления. И все усаживаются за стол, обсуждая, почему выступает не сам, или почему выступает сам, но не говоря с экрана, а «прячась» за кремлевской заставкой. А потом — Спасская башня, и шампанское, и поздравления. И, наконец, всенародное ночное

бдение у «Огонька» с короткими переключениями — что там по другим программам?..

А через день, отоспавшись, обсуждали на работе, что у Пугачевой было умопомрачительное платье, что Леонтьев расстегнул рубашку, а раньше — что Магомаев... что Пыха... что Отс... что Таралушка и Штпельс...

И почему-то не казалось нонсенсом в новогоднюю ночь выступление симфонического оркестра, армейского хора, казачьего ансамбля, присутствие в телевизионном зале космонавтов, капитанов дальнего плавания или руководителей заводов.

Конечно, речи вождей с обещанием в грядущем году всевозможных благ выглядят теперь смешными. Да и выступления передовиков чаще всего использовались как паузы для наполнения бокалов и тостов. Но в целом — в ритуале этом, в повторяемости — была страна с ее людьми, искусством, традициями. «Огоньки» потому и привлекали, что зрители знали — покажут почти все лучшее, что у нас есть. Прекрасных балерин, танцовщиков, скрипачей, пародистов, дирижеров, эстрадных певцов. Просто известных людей. Конечно, потом можно было и поворчать. Но хорошо осознавая при этом, что все это — наше. Что это — мы и есть.

...Ну вот, апал-таки в сентиментальное ретро. А ведь хотел сказать о другом. О главном. В прямом смысле этого слова.

Главная площадь страны. Главная елка страны. Конечно, проще пареной репы усмотреть теперь в этом словосоче-

тании черты тоталитаризма. Но вот что странно. И при нынешней демократии — тяжелое наследие? — елка в КДСе называется главной. И под полуночный бой курантов показывают главную (Спасскую) башню. Равно как главной информационной программой остается «Время» (мы ее так по-прежнему и называем), главным телеканалом — первый («Останкино»), главной площадью — московскую Красную, главной улицей — Горького (и все никак не Тверскую), главным магазином ГУМ и т. д.

И можно ведь не тоталитарный диктат, не партократический централизм усмотреть в этом короновании того или другого. А естественное стремление к цельности, к желанному ощущению себя частью народа, к сверению своих часов по одним, к возможности увидеть себя, хотя бы часть свою, — как в зеркале, в этих вот телевизионных «огоньках».

...Я не большой знатокграничной жизни. Той самой, где волшебные рождественские открытки с домиками — привычная составляющая стабильной жизни. Но я никогда не подозревал, что демократия — это отсутствие чего бы то ни было главного. Я не знал, что путь к ней непременно лежит через разрушение всех авторитетов, связующих нитей, центра, через стирание прежних критериев значимости и художественности.

Хорошо помню то недоумение, почти шок, когда год назад все смотрели первую программу ЦТ, недоумевая, кто же выступит, кто поздравит. Но не увидели Спасскую баш-

ню, не услышали бой курантов, а провели долгожданные мгновения под тост, произнесенный Михаилом Задорновым. И, наконец, этот Новый год. Уже с часами, но без обращения. Без «Огонька» или чего-то похожего на него. Зато со вроде бы предполагаемой конкуренцией между телепрограммами.

...Ночной эфир самых праздничных часов ни наутро следующего дня, ни сутки спустя почти не обсуждался. Так, чертыхнется кто-нибудь, и все. Одному показалось симпатичным то-то, другому это. Большинству — ничего. Плюрализм передач — плюрализм мнений. А многие — не раз слышал — вскоре после полуночи легли спать. Шумные компании не высыпали на улицы, по этажам не перекатывалось нестройное пение и музыка. Гости не приходили. Даже ели мало. Отвыкли есть.

Накопилась усталость. Подступило безразличие.

И последнее. Чтобы не быть неправильно понятым. Я не люблю прежних новогодних «Огоньков». Но смотрел их, как все. И я вовсе не сторонник генеральских изданий, газет или телепередач. Но вот помню мое большое разочарование в детстве, когда увидел целый автобус с дедами-морозами. В душе появилась пустота. Это потом я понял, что тиражирование убивает главное, истинное. А тогда я просто заплакал и перестал верить в сказку.

С тех пор появились и новые пустоты. Но та осталась.

Сергей БЕДНОВ,